

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЛЯБИНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»**

**FEDERAL STATE EDUCACIONAL
ESTABLISHMENT OF HIGHER
VOCATIONAL EDUCATION
“THE CHELYABINSK STATE ACADEMY
OF CULTURE AND ARTS”**

**МОЛОДЕЖЬ
В НАУКЕ
И КУЛЬТУРЕ
XXI ВЕКА**

**YOUTH
IN SCIENCE
AND CULTURE
OF THE XXIst
CENTURY**

Часть I

Part I

**Материалы
международного
научно-творческого
форума**

**Proceedings
of the International
Scientific and Creative
Forum**

Челябинск, 2–3 ноября 2010 г.

Chelyabinsk, November 2–3, 2010

Челябинск, 2010

Chelyabinsk, 2010

УДК 378
ББК 72+71=74.58
М75

Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы междунар. науч.-творч. форума (Челябинск, 2–3 ноября 2010 г.) / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск, 2010. – Ч. I. – 359 с.
ISBN 978-5-94839-260-8

В сборник вошли научные материалы молодых ученых: аспирантов, соискателей, докторантов и кандидатов наук, подготовивших доклады и сообщения на международный научно-творческий форум «Молодежь в науке и культуре XXI века».

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЧГАКИ

ISBN 978-5-94839-260-8

© Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2010
© Авторы публикаций, 2010

Чтобы уйти от деструктивного восприятия региона как экологически небезопасной территории, руководство области (инициатор коммуникации) выделяет следующие важные имиджевые характеристики региона:

1. «Челябинская область – высокоразвитый промышленный регион» («Промышленные мощности ММК сегодня более чем на 80 процентов соответствуют мировому уровню развития металлургии. И это залог того, что весь Магнитогорск будет расти и развиваться. Цех белой металлургии «Высота-239» на ЧТПЗ, по оценкам недавно побывавшей в области делегации японских промышленников, примерно на десятилетие опережает уровень аналогичных производств в Стране восходящего солнца» [1, С. 14]).

2. «Челябинская область – территория, в которой много высококвалифицированных специалистов».

3. «Челябинская область – региона с красивой природой».

4. «Челябинская область – территория с богатыми культурными традициями» («По поручению губернатора Михаила Юревича в Златоусте создана Гильдия мастеров. В объединение вошли 11 предприятий по производству оружейной и сувенирной продукции из украшенного металла» [2]).

Таким образом, положительный имидж региона играет важную роль в процессе коммуникации территории, так как выступает своеобразным социальным регулятором для внутренней общественности; позволяет наладить контакт с другими территориями быстрее и с меньшими коммуникативными затратами.

-
1. Васин, В. Регион меняет имидж / В. Васин // Российская газета. – 2010. – № 5215. – С. 14
 2. Штаюра, М. В Златоусте создана Гильдия мастеров-оружейников [Электронный документ]. <http://chelyabinsk.ru/newslines/293885.html>

Дыдров А. А.

Челябинская государственная академия культуры и искусств,
Балтийский институт экологии, политики и права

Тузовский И. Д.

Челябинская государственная академия культуры и искусств

СЛОЖНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖАНРОВЫХ ГРАНИЦ УТОПИИ И АНТИУТОПИИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНДУКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Определение утопии и антиутопии имеет уже достаточно солидную традицию. Многие авторы толковых словарей, публицисты, ученые, с тех или иных позиций определяли данные понятия. Но, тем не менее, вряд ли возможно выделить на сегодняшний день какую-то универсальную, общепринятую дефиницию. Это касается и

определения утопии в значении литературного жанра. Связано это, во-первых, с довольно значительной сложностью исследуемого объекта, многозначностью его содержания; во-вторых, далеко не все авторы преследовали цель сформулировать определение, претендующее на универсальность, оставляя дефиницию «за скобками». Более того, нередко к определению жанра подходят сквозь призму крайнего субъективизма. Например, у Б. Рассела читаем: «... жить в Утопии Мора, как и в большинстве других утопий, было бы нестерпимо скучно. Для счастья необходимо разнообразие, а в Утопии трудно было бы найти какое-либо разнообразие» [11, с. 632].

Утопия называется и древнейшим литературным жанром, существовавшим и до Мора, и после него и поражает масштабом человеческого духа, который посредством воображаемого представляет то, чего нет, то, что должно быть, или что человек хотел бы, чтобы оно действительно было [12]. Необходимо помнить, что жанр был определен, исходя из примера с утопией известного гуманиста XVI в., но продолжил развиваться, выходя за рамки сущностных черт, выделенных на основе данного произведения. Широта определения в данном примере несколько смущает: представить то, чего нет и желать этого - не всегда означает утопию. Здесь возникает так называемая субъективность утопического - что для одних выглядит как желанный мир, для других может оказаться кошмаром.

Некоторые исследователи, поднимая проблему многозначности понятия утопии, не анализируют, например, какие-либо черты, присущие утопии как жанру. Так, В.А. Чаликова в очерке «Идеологии не нужны фантазеры» отмечала, что утопия - литературный жанр, философская идея, проект лучшего будущего [17, с. 65]. Это всегда попытка приподнять завесу тайны - узнать, что будет завтра [16]. Определение подчеркивает многозначность понятия, однако оставляет и вопросы. Но, так или иначе, В.А. Чаликова не выделила сколь-нибудь четкий перечень признаков утопического жанра, указав только на многозначность понятия «утопия», стремление к идеальному социальному устройству и его воплощение.

Некоторые исследователи, говорящие об утопии как о жанре, утверждают, что большинство европейских утопий строились как путешествие или неожиданное посещение неведомой страны, не обозначенной на географической карте [18, с. 40]. Говорить о «большинстве» на момент исследования возможно, однако не стоит делать подобных утверждений на перспективу и тем более превращать их в категоричные.

Довольно детально признаки жанра выделил Ф. Аинса в работе «Реконструкция утопии». Наиболее очевидными он считает пространственную изолированность утопии, ее вневременность, то есть

отсутствие исторического времени, а также урбанизм и автаркию [1]. На основе указанного возможно утверждать, что признаки жанра тождественны в этом случае признакам моделируемых обществ утопии. Исследователь во многом прав. Действительно, «топосом» утопии (как бы это ни противоречиво звучало) был и город, утопия действительно тяготела и к экономической независимости, однако эти признаки, к сожалению, не универсальны и не могут претендовать на такой статус, потому как не охватывают и не могут охватить полноты динамичного жанра.

В работе Э. Я. Баталова тоже имеются попытки представить перечень признаков утопического жанра, являющиеся признаками и самих утопических моделей. Исследователем критикуется подход К. Мангейма, который выделял критичность, нереальность, трансцендентность в качестве основных признаков утопии, но признавал вместе с тем, что эти признаки присущи и идеологии. Э. Я. Баталов добавляет в качестве признака и конструирование социального идеала, однако и это, как известно, присуще идеологии, да и другим культурным феноменам [2]. Вновь здесь мы наблюдаем ситуацию, когда исследователь пытается выделить универсальные признаки утопии, не создавая четких границ между жанром и моделью, имманентно присущей утопии.

В целом аналогична ситуация с жанровым определением антиутопии. Ряд авторов следует буквальной семантической логике и не утруждает себя полновесным раскрытием этого термина. Если исходить из содержания классических определений утопии как «совершенного общества», то *антиутопия*, с этих позиций, является *анти*-совершенным (абсолютно или идеально несовершенным) обществом. Кроме сомнительности определений «идеально несовершенное» в этом случае появляется и путаница относительно принятой в России и на западе терминологии, и возникает необходимость разведения изначально идентичных с содержательной стороны терминов «антиутопия» и «дистопия».

Другие исследователи [см. 7, с. 4; 10, с. 2, 5] в своем определении антиутопии исходят из другой традиции. Очевидно, по аналогии с «Анти-Дюрингом» Ф. Энгельса, родившим целую традицию называния персонифицировано-критической литературы («Анти-Фоменко», «Анти-Суворов») антиутопия представляется как критика на утопический проект. Вариации здесь различны – в той мере, в какой любая утопия включала в себя элемент сатиры на современное ее автору общество, антиутопия как критика включает в себя сатиру на утопию. Эта традиция определения понятия утопии уже более точна, однако она превращает этот жанр исключительно в надстройку, некую пародию, определяет исключительную вторичность анти-

утопии как сатиры на сатиру. Кроме того, далеко не все антиутопии подразумевают явную критику утопических проектов (обратим внимание, что мы используем здесь расширительную трактовку – не только утопии как художественные произведения, но и проекты социального обустройства, которые реализовывались на практике). Например, в романе «1984» Дж. Оруэлла критикуется не какая-либо литературная утопия, а идеология и практика социализма, капиталистического либерализма и пр. [9]. Все же идеологию социализма можно назвать утопическим проектом. А вот роман «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери [6] или «Вожделеющее семя» Э. Берджесса [5] не критичны по отношению к утопиям и утопическим проектам. Объектом их беспощадной, действительно очень острой, критики становятся тенденции социального, культурного, технологического развития, которые наблюдали авторы романов.

Общее проблемное поле (анти)утопического дискурса формируется и неясностью его хронологических рамок. Так, С.С. Романов отмечает, что «историки литературы до сих пор не могут окончательно решить, когда именно появилась первая литературная антиутопия и кто из писателей был первым антиутопистом» [13, с. 3, 10, 274]. Этот же факт отмечал и Б. А. Ланин, в еще более парадоксальной форме, которая, кстати, фальсифицирует его же собственное определение антиутопии как критики или сатиры на утопию: «удивительно, что *антиутопия оказывается едва ли не более древним жанром, нежели утопия* [выделение авторов]» [7, с. 27].

Ситуация усугубляется тем фактом, что не только содержательно, по мере того как разворачивается повествование, утопия может превращаться в антиутопию (см., например, Г. Л. Олди «Богадельня» [8]), но и благодаря меняющемуся читательскому восприятию – то, что вчера воспринималось как утопия, начинает восприниматься сегодня наоборот и т.д. Б.А. Ланин реагирует на эту позицию своим критическим замечанием, которое на первый взгляд кажется достаточно верным: «Подобный подход не дает возможность выявить жанровую сущность антиутопии, конструировать ее структурные особенности» [7, с. 29].

Действительно, уточнить критерии жанра, который зависит только от меняющихся во времени читательских «вкусов» и взглядов на социальное совершенство, кажется невозможным. Но тогда абсолютно алогичным представляется и заявление самого Б.А. Ланина: «то, что на сегодня представляется обязательными признаками жанра, завтра уже окажется лишь определенным, пройденным этапом его развития» [7, с. 4]. Ведь если развивается сам жанр и меняются его признаки, которыми оперирует исследователь, то что уж говорить о читателе?

Один из авторов пытался дать определение антиутопии в следующем ключе: «как художественное произведение (не обязательно литературное), в котором представлена ценностно и эмоционально неприемлемая для автора и читателя социальная модель, номинально несущая гуманистические функции предупреждения негативных вариантов развития общества в будущем или на основе альтернативных социально-политических, экономических и культурных концепций» [14, с. 149].

С одной стороны, это определение освобождено от точного указания на обязательность критического по отношению к утопии компонента антиутопии и это является плюсом, поскольку во-первых, не связывает нас однозначно со столь же сложной процедурой идентификации утопии (которую, впрочем, автор решал в целом аналогичным образом). С другой стороны, это определение лишено точных, определенных безотносительно мнения читателя \ критика \ исследователя признаков.

Жанровые определения утопии и антиутопии изначально проблемны в силу двух факторов:

1. Они основаны на индуктивном принципе, когда, ознакомившись с каким-либо количеством произведений, ученый делает выводы, часто позиционируемые как окончательные и абсолютно истинные. Например, не стоило бы ограничиваться указанием на урбанизацию, как сделал Ф. Аинса, потому как существует утопия «Остров» О. Хаксли, общество которой счастливо живет в «единении с природой» и городская жизнь людям не известна. Исследователь, взявшийся выделять признаки того или иного жанра, действует в рамках вероятности. Насколько будет верно то или иное суждение об «устойчивом» признаке жанра, насколько часто этот признак будет выражен в возникающих или вновь открываемых произведениях – вопрос неопределенного продления в модус будущего.

2. С другой стороны, когда собран определенный «пласт» утопий или антиутопий, составлены «каталоги» произведений, читатель, ознакомившийся с признаками, изложенными учеными, да и сам ученый, начинают относить то или иное произведение к утопии или антиутопии. Сложности возникают тогда, когда произведение (новое или открытое заново старое) содержит в себе нечто, не указанное в перечне жанровых особенностей и приходится либо корректировать перечень признаков, либо отрицать принадлежность произведения к какому-либо из этих жанров.

Это именно то, о чем говорил Б.А. Ланин – жанр эволюционирует и определить статичный набор его признаков практически невозможно.

До сих пор, например, не существует однозначного мнения, считать ли «Остров» О. Хаксли утопией или нет. Автор данной статьи считает, что отсутствие «несчастливых» элементов дает такое право, однако небольшой идиллический островок в итоге был легко захвачен враждебными силами, так как не имел соответствующих военных сил для отпора противнику, а значит организация общества была слабой в сравнении с организацией противника [15, с. 315-316].

Если мы говорим о новых произведениях, которые раздвигают границы жанра, то значимым примером является роман «Долгая дорога» Стивена Кинга. Это произведение было причислено к антиутопии потому, что автор изобразил деспотические государственные структуры, «занимающие» население просмотром кровавого шоу «Длинный путь», герои которого идут на неопределенную дистанцию и гибнут от пуль солдат после нескольких предупреждений, вызванных замедлением скорости по любым причинам [4]. Такая же ситуация с произведением С. Кинга (псевдоним – Ричард Бахман) «Бегущий человек», герои которого спасаются от «охотников» за человеческими жизнями, а в случае выигрыша получают гигантскую сумму [3]. Очевидно, что не только всевластие правительства является признаком, который определил эти произведения как антиутопии, но и само превращение человеческой смерти в игровое шоу как важный культурный феномен этой социальной модели, созданной в этих произведениях, противоречит системе ценности современного общества, декларирующего гуманистическую мораль.

Динамичность этих жанров, их взаимные метаморфозы, когда вчерашняя «утопия» сегодня воспринимаются как антиутопия, является не только проблемой исследователя, но и фактически новым средством социальной диагностики. Современные средства Интернет-коммуникации (например, Википедия) позволяют массовому читателю самому, без посредства критиков производить идентификацию произведений на предмет соответствия (анти)утопическому жанру. А, поскольку и утопия, и антиутопия являют собой выраженные художественными средствами социальные модели с определенными системами ценностей, которые в XX-XXI вв. получили четкую хронологическую ориентацию на будущее, то, анализируя изменения в перечне утопий и антиутопий, мы фактически диагностируем – какие изменения в ценностной сфере человека происходят сегодня. Именно невозможность точного определения жанровых границ в этом случае, интуитивно понимаемая читателями, открывает дорогу для этой методики.

1. Аинса, Ф. Реконструкция утопии [Электронный ресурс] / Ф. Аинса. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/ainsa/, свободный. – Загл. с экрана. – 19.09.2010

Раздел I. Дискурсы в философии культурологии XXI века

2. Баталов, Э. Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопическом эксперименте [Электронный ресурс] / Э. Я. Баталов. – Режим доступа: <http://www.marsexx.ru/utopia/batalov-v-mire-utopij.html>, свободный. – Загл. с экрана. – 19.09.2010
3. Бахман, Р. Бегущий человек [Текст] / Ричард Бахман. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 251 с.
4. Бахман, Р. Долгая дорога [Текст] / Ричард Бахман. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 285 с.
5. Берджесс, Э. Вожделеющее семя [Текст] // Заводной апельсин; Вожделеющее семя; Трепет намерения : Романы : Пер. с англ. / Э. Берджесс; [Примеч. Н. Калинина, А. Смолянского; худож. С. Лемехов] – Л. : «Художественная литература». Ленинградское отделение. – 1993. – 667 с.
6. Брэдбери, Р. 451° по Фаренгейту // О скитаньях вечных и о Земле : [Сборник : Пер. с англ.] / Рэй Брэдбери; [Сост. и послесл. В. И. Скурлатова; Вступ. Слово В. А. Джанибекова; Ил. Г. Н. Бойко, И. Н. Шалито]. – М. : Правда, 1987 – 656 с.
7. Ланин, Б. А. Русская литературная антиутопия XX века : диссертация ... доктора филологических наук, 10.01.02 / Б. А. Ланин. – Москва, 1993. – 344 с.
8. Олди, Г. Л. Богадельня [Электронный ресурс] / Г. Л. Олди. – Режим доступа : http://fictionbook.ru/author/oldi_genri_layion/bogadelnya/, свободный. – Загл. с экрана. – 3.09.2009.
9. Оруэлл, Дж. 1984 [Текст] // Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе : Сб. : Пер. с англ. / Дж. Оруэлл. – М. : НФ «Пушкинская библиотека» : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 661 с. – (Золотой фонд мировой классики).
10. Плех, З. И. Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX века (на материале произведений Е. Замятина, А. Платонова, М. Булгакова) : автореферат дис. ... кандидата филологических наук, 10.01.02. / З. И. Плех – Бишкек, 2008. – 23 с.
11. Рассел, Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней: В трех книгах [Текст] / Б. Рассел. – М.: Академический Проект, 2009. – 1008 с. – (Серия «Концепции»). С. 632;
12. Реале, Дж. Антисери, Д. Западная философия от истоков до наших дней [Электронный ресурс] / Дж. Реале, Д. Антисери. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Reale_ZapFil/Antica/Index.php, свободный. – Загл. с экрана. – 19.09.2010
13. Романов, С. С. Антиутопические традиции русской литературы и вклад Е. И. Замятина в становление жанра антиутопии : диссертация ... канд. филол. наук, 10.01.01 / С. С. Романов. – Курск, 1998. – 168 с.
14. Тузовский, И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий [Текст] / И. Д. Тузовский. – Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусств. – Челябинск, 2009. – 312 с.
15. Хаксли, О. Остров [Текст] / Олдос Хаксли. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2010. – 316 с.
16. Чаликова, В.А. Идеологии не нужны фантазеры [Электронный ресурс] / В.А. Чаликова. – Режим доступа: http://www.orgwell.ru/a_life/chalikova/russian/r_innf, свободный. – Загл. с экрана. – 19.09.2010
17. Чаликова, В. А. Утопия и свобода [Текст] / В. А. Чаликова. – М.: Весть – ВИМО, 1994. – 184 с. С. 65;
18. Шестаков, В.П. Эсхатология и утопия: (Очерки русской философии и культуры) [Текст] / В.П. Шестаков. – М.: ВЛАДОС, 1995. – 208 с.

Журавлёва И. А.

Уфимский институт путей сообщения

МИССИЯ ЖЕНЩИНЫ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ ВОЗРОЖДЕНИИ РОССИИ

В современных условиях развития российского общества идёт кардинальная перестройка не только материальной, но и духовной